

XL

Р
Е
Й
С
Ш
И

КОХИНОР

К
А

1953 год. Ранние, самые первые признаки «оттепели». В одночасье выпущены из тюрьмы оставшиеся в живых «убийцы в белых халатах» — закрыто «дело врачей». Арестован Берия. В воздухе повеяло чем-то совсем непонятным, появилась робкая надежда на какие-то «послабления».

Можно проследить множество ростков в самых разных областях жизни: начала разворачиваться торговля, чуть-чуть изменилась интонация газет, заговорили о совместном обучении девочек и мальчиков... Да мало ли еще! Среди всех этих событий — больших и малых, важных и не очень, имевших далеко идущие последствия и не имевших никаких, было и такое: состоялось первое публичное выступление самодеятельных ансамблей архитекторов «Кохинора» и «Рейсшинки». Тогда, конечно, никто не мог предположить, что ансамблям этим суждена долгая и в общем счастливая жизнь и что несколько «повзрослевшие», но не потерявшие хорошей спортивной формы основатели этих замечательных коллективов будут праздновать сорокалетие концертной деятельности.

В самом деле, «Кохинор» и «Рейсшинка» долгие годы были определенной формой диссидентства, по недосмотру начальства разрешенного и приносящего свои плоды. Тексты, звучавшие с эстрады, неизменно разносились по «всей Москве» (а потом и за ее пределы), обсуждались на московских кухнях, будоражили умы.

Конечно, кохиноровцы (имя это собирательное, традиционно включающее в себя оба ансамбля) всегда стремились выйти за узко профессиональную проблематику. Подтверждение тому — нынешний их репертуар, где собственно зодчество уже почти не присутствует. Но есть и другая сторона медали. Архитектура сама по себе столь широка и всеохватна, что постоянно выплескивается на «простор жизни». И, наверное, именно в этом свойстве архитектуры секрет молодости «Кохинора» и «Рейсшинки», секрет неисчерпаемости тем и проблем, на которых строился их репертуар.

А начиналось все так. Историю создания «Кохинора» и «Рейсшинки» рассказывает один из основателей ансамбля Воля Иосифович Косаржевский:

В московском архитектурном институте помимо учебы шла настоящая, веселая, полнокровная жизнь. В течение шести лет сложилась такая традиция: каждый курс должен был подготовить вечер. Самым старшим был курс, на котором учились И. Покровский и Ф. Новиков, следующим шел курс, который кончала И. Шишкина, затем курс, где учился Ю. Ранинский, потом курс Ю. Арндта, А. Шехояна и самого рассказчика. Последний курс, который принимал в этом участие — курс, где учились В. Кувырдин и Л. Соколов.

Каждый курс имел свою специализацию. На курсе И. Покровского делали театр теней, на моем курсе занимались концертной деятельностью. Курс Ю. Ранинского специализировался на диафильмах. Естественно, тогда не было цветных слайдов, нарисованное снималось на стеклянные пластинки, которые потом раскрашивались анилиновыми красками — получалось цветное изображение.

А теперь слово еще одному из основателей ансамбля — Ю. В. Ранинскому: «По мере окончания института многие студенты, как правило, наиболее способные и активные, направлялись в ведущую проектную организацию Москвы — институт Моспроект, и к концу 1952 года там сложился достаточно мощный коллектив бывших лидеров МАрхИ, с их естественным стремлением возродить в новых стенах все то, чем жили они в институте. Но если там, учась на разных курсах, они были творческими соперниками, то теперь они оказались сконцентрированными в едином коллективе.

Первой родилась «Рейшинка». В канун майских праздников 1953 года, 26 апреля, на вечере Моспроекта наряду с традиционными номерами самодеятельности — декламацией, сценами драмкружка — впервые прозвучал новый жанр. Последним номером программы было выступление вновь созданного ансамбля. На сцену «выплыл» строй девушек в белых халатах (рабочая форма Моспроекта тех лет), с кумачевыми подолами до пола, с наштампованными изображениями архитектурных дегалей, с рейшинками вместо кос, с кокошниками на головах.

Номер был создан И. Шишкиной, собравшей талантливых девушек, И. Покровским, разложившим мелодии на голоса; мной были написаны их три первые песни.

А на ноябрьском вечере уже все номера концерта носили сатирический характер. «Рейшинка» в этот раз открывала программу тремя новыми песнями: потом это стало традицией — к каждому вечеру писать абсолютно новый репертуар.

Но венцом вечера стало появление «Кохинора», мужского военизированного хора.

с большими карандашами на плечах, со скатками из белых халатов. Их первая песня «Квартира», в конце которой все участники хора под слова «и мы стеною за любовь» вскидывали карандаши наизготовку, тонула в овациях зала.

Надо сказать, что до поры до времени все тексты песен писались главным образом на местные, «моспроектные» темы. Но вскоре наступил переломный момент. В декабре 1954 года Н. С. Хрущев выступил на Кремлевском совещании строителей и в своей речи «разгомил» архитектурные «излишества», обвинив зодчих в том, что они на народные деньги строят «памятники себе». А еще через год вышло Постановление партии и правительства «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Это был решительный поворот. Хрущев поставил строителя над архитектором, телегу впереди лошади.

Вместе с тем, советская власть впервые обратилась к нуждам людей. Массовое жилищное строительство сделало возможным предоставление квартир миллионам семей, строились школы, детские сады, поликлиники. Однако облик новых городов и районов, сама архитектура, отлученная от искусства, стала однообразна, уныла и бесчеловечна. Она не нравилась людям и самим архитекторам.

Вот тогда сменился репертуар «Кохинора» и «Рейсшинки» - они запели о наболевшем, о том что касалось тех же миллионов, было у них на глазах. Тогда и вышли наши ансамбли на широкую эстраду – на сцену зала им. Чайковского, на помост Колонного зала Дома Союзов и выступали там с неизменным успехом. Выяснилось, что кохиноровские песни доходит до публики и с ними можно выступать на перед любой аудиторией.

Тип, тип, типовая,

Эта песня не простая и т. д.

всегда встречалась на ура. А «рейсшинка грустно напевала:

Когда-то жили мамонты, оставили клыки,

Цари дворцы оставили, купцы особняки,

Ах, братья архитекторы и мы не зря живем,

От нас в веках останется пятиэтажный дом.

И как лирично звучали на мелодию «Московские огни» слова:

Нам не нужно блеска жизни той,
Мы гордимся нашей темнотой,
И поэтому не зря, фонари горят едва,
И это дело всем до фонаря.

А потом был зключительный концерт Всесоюзного смотра самодеятельности. Передо мной программа концерта. Там сказано: - «Фрагменты из сатирического обзора на местные темы. Исполняет агитбригада Института по проектированию жилищно-гражданского строительства «Моспроект». Авторы текста и руководители архитекторы В. Косаржевский, Ф. Новиков, Ю. Ранинский, И. Покровский, В. Уткин, А. Шайхет, И. Шишкина. Музыкальный руководитель И. А. Покровский.»

Дальше рассказывает Воля Косаржевский: - «Выступали мы не где-нибудь, а в Большом театре. Подготовили три песни, одна из которых на музыку знаменитой «Маркизы» пелась так:

Алло, алло, вот дом многоэтажный,
Его по плану надо сдать,
Он не готов, но разве это важно,
Ведь важно акты подписать.

и т. д. — о качестве строительства. А в ложе сидят Хрушев и Микоян. Перед самым нашим выходом распорядитель сказал, что эту песню петь нельзя. !-й секретарь горкома партии Е. А. Фурцева запретила.

Вообще-то и прежде случалось, что нас вызывали в горком и даже в строительный отдел ЦК партии для просмотра текстов. Случалось что на нас жаловались обиженные мастера архитектуры. Однако петь в своем кругу и в творческих домах столицы нам не возбранялось. А так чтобы запрет был дан перед выходом на сцену — это впервые.

Мы спели, что было позволено и тут же опустился железный занавес — мы даже не слышали реакции: были аплодисменты или нет. Когда мы разъехались по домам, то нам рассказали: по телевидению нас показали, а радио, которое работало на весь Союз, было перекрыто. Пока мы пели, в эфире звучал «Сентиментальный вальс» Чайковского. Потом выяснилось, что там выпускающим инженером работал человек, знакомый с нашими песнями. Он решил: лучше я получу взыскание за то, что не пустил эти песни в эфир, чем меня снимут с работы за то, что я их транслировал на весь Советский Союз. Вот такая была тогда обстановка.

Но после этого концерта началось наше триумфальное

шествие по концертным площадкам. Мы ведь получили на смотре первое место, разделив его с программой медиков – Арканова, Ливенбука, Лившица и др. Мы вышли и на телевидение, где отлично прозвучал «Хор жильцов» с песней «Кирпичики»:

...У заводика вся продукция,
Только копоть, что в трубы валит,
Копоть вредная для здоровья,
Наших деток почти не щадит.

Нс приглашали на разные общественные мероприятия – съезды и Конференции. С 1956 по 1960 в Колонном зале мы выступали 16 раз!

О нас писали газеты. И не только «Строительная», но и «Известия» - можно сказать, что мы стали знамениты.

Однажды на каком-то концерте должен был выступать великий И. С. Козловский, который, судя по всему, ничего про нас не знал и нас никогда не слышал. Когда ему сказали, что после него будет выступать хор архитекторов, он возмутился. Что за глупости, сказал он, я буду последним. Ну, с Козловским не спорят, мы выходим на сцену, поем положенное, а после этого народ поднимается и начинает уходить. Тем не менее объявляют Козловского, а народ все равно уходит. Гасят свет, зажигают свечи, играет сводный духовой оркестр, поет Козловский, а в зале совсем мало народа. Потом Иван Семенович пришел к нам за кулисы и спрашивает: кто вы такие? Он ведь даже на этом концерте нас не слушал — познакомился с нами потом, приходил на концерты.

Затем начались гастроли по городам Союза. Первым стал заполярный Норильск, где мы выступали перед шахтерами. А потом были в Киеве, Минске, Ленинграде, Ереване, Тбилиси. И везде пели для своих коллег – архитекторов».

Просматривая альбомы с текстами песен приходишь к мысли, что если бы исчезли все источники, свидетельствующие об истории Советской архитектуры за последние сорок лет, ее можно было бы восстановить по программам кохиноровцев. Они пели о полной драматизма истории строительства бассейна «Москва», заместившего собой и снесенный храм Христа Спасителя, и недопостроенный, а потом также снесенный Дворец Советов. Одним словом:

Эх раз, еще раз.
Мы ныряли в этот таз —
Нет ни храма, ни дворца,
Ламца-дрица-гоп-цаца.

По песням и интермедиям «Кохинора» и «Рейсшинки» можно восстановить историю строительства гостиницы «Россия», Нового Арбата, Дворца съездов и прочих престижных объектов 60—80-х годов, когда роли были раз и навсегда распределены, а «плохой конец заранее отброшен». И другую историю — гибели старой Москвы во имя чьих-то высокопоставленных амбиций. Чего только стоят такие слова:

Пробиваем магистраль,
Ничего теперь не жаль,
Церковь так церковь,
Башня так башня,
Пробиваем магистраль.

И дальше — фраза, от которой и в те далекие годы становилось не по себе:

Эй, рухнем,
Эй, рухнем
Еще храмик,
Еще храм.

Обычно концерт ансамблей состоит из нескольких номеров. Открывает его «Таратория» — своеобразное вокальное сочинение, написанное на самые актуальные темы. Занавес открывается и на сцене как бы фрагмент большого мужского академического хора — возвышаясь друг над другом в несколько рядов стоят кохиноровцы. У «подножия» хора — отдельные представители «Рейсшинки», также принимающие участие в этом замечательном действе.

Его музыкальная часть — очень сложна и складывается из фрагментов различных произведений — начиная от классических опер и кончая современными шлягерами. Все удивительно точно и тонко гармонизировано и профессионально исполнено. Это тем более загадочно, что большая часть певцов не знают музыкальной грамоты и выучивают сложнейшую многоголосую партитуру на слух. Дирижирует тараторией — артистичный и элегантный И. А. Покровский, у рояля — невозмутимый, музыкально безукоризненный А. В. Хейфец.

За четыре десятилетия существования ансамблей сочинено и исполнено девять тараторий, каждая из которых по-своему была небольшим музыкальным шедевром, каждая из которых надолго запоминалась и неожиданностью музыкальной композиции, и острыми, всегда злободневными текстами.

После «Таратории» обычно читались стихи или басни, которые,

декламировал Юрий Арндт. У него был свой жанр — басни о Ходже Насреддине. А потом на сцену выходил женский ансамбль «Рейсшинка». За 40 лет не однажды менялись их костюмы: то они появлялись в кокошниках и с подвязанной к затылку рейсшинкой, изображавшей косу (отсюда и название ансамбля). Зрители видели «рейсшинок» и в брючных костюмах, и в платьях и шляпах в стиле «ретро». Но всегда участницы ансамбля отличались не только высоким профессионализмом исполняемых ими песен, но и женственностью и привлекательностью.

Следующим номером программы обычно бывали романсы. Их исполнители — Толя «Белый» (Панченко) и Римма «Черная» (Алдоница) объявлялись зычным голосом Косаржевского. А затем на сцену выходили акробаты. Их громогласно представляет Михаил Кочин: — «Только раз, только для вас! Проездом из Баден-Бадена в Тынду-Тынду! Всемирно известная труппа! Партерные акробаты Три-Битюгова-три! Или необычайный синтез красоты и силы! Маэстро! Парад-алле! Это очень потешное и веселое зрелище.

Заканчивает концерт выступление мужского хора «Кохинор». С желтыми карандашами «на плечо» бравые архитекторы проходят через зал с «Выходной песней». Выступление хора обыгрывается как строевые занятия солдат, ответом на вопросы и является очередная песня.

Откликаясь на все события архитектурной жизни, «Кохинор» и «Рейсшинка» посвящали в наши цеховые проблемы широкую общественность, не менее, а может быть и более самих зодчих заинтересованную в высоком качестве архитектуры. Они делали это умно и тонко, остро и на грани, а подчас и за гранью, дозволенного — и 40, и 30, и 20, и даже 10 лет назад.

А когда пришло время всеобщей «перестройки», то всеобщая гласность проявилась и в кохиноровских текстах. Они звучали столь же актуально, как хлесткие статьи «Огонька» и «Нового мира», лихо пародируя ее «прорабов» и политические события той памятной поры.

С полным основанием можно сказать, что сатирические ансамбли московских архитекторов — «Кохинор» и «Рейсшинка» стали заметным явлением отечественной культуры второй половины XX века и их мастерские выступления достойны того, чтобы остаться в нашей памяти.

1993 г.